

Г. В. СТЕПАНОВ

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Вопросы об особенностях испанского языка в Латинской Америке и о закономерностях его развития имеют, кроме частного интереса для специалистов по испанскому языку, и более общее значение: они тесно связаны с проблемами общероманскими и общелингвистическими¹.

Обычно романизация (т. е. распространение римской культуры, государственности, языка и т. п.) рассматривается как явление в известном смысле неповторимое. Считается, что языковая романизация имеет своим пределом период полного вытеснения местных языков, а конечным результатом романизации признается формирование новых романских (неолатинских) языков: испанского, португальского, каталанского, французского и др. Последующее распространение неолатинских языков в научной литературе обычно не связывается с вопросом о формировании новой Романии².

Первый, кто обратил внимание на известный параллелизм в развитии неороманских языков и испано-американской речи, был Р. Ленц³. В дальнейшем к этому же вопросу обращались Р. Куэрво, М. Вагнер, Р. Менендес Пидаль⁴ и некоторые другие.

Однако, несмотря на ряд ценных замечаний общего характера и интересных частных наблюдений, мы не найдем в указанных работах последовательного сопоставления данных и фактов, которые помогли бы осветить «темные места» в романистике. Сопоставления, как правило, используются для разрешения испано-американской проблематики и только в незначительной степени общероманской. Кроме того, пристрастие к одним факторам⁵ и недостаточное внимание к другим препятствуют созданию объективной картины развития языков в старой и новой Романии.

Романизация нового и новейшего периодов и, в частности, испанизация (мы имеем в виду испанизацию языковую) при всех своих значительных отличиях от процесса формирования старой Романии имеет с ним целый

¹ B. Malmberg, L'espagnol dans le Nouveau Monde — problème de linguistique générale, «Studia linguistica»: 1947, N 2; 1948, N 1.

² Например, в обстоятельном труде Э. Бурсье «Основы романского языкознания» (перевод с франц., М., 1952) вопрос о новой Романии не ставится даже и не ставится.

³ R. Lenz, Beiträge zur Kenntnis des Amerikanospanischen, «Zeitschrift für rom. Philologie», Bd. XVII, 1893.

⁴ R. J. Cuervo, Aportaciones críticas sobre el lenguaje bogotano con frecuente referencia al de los países de Hispano-América, Bogotá, 1939; M. L. Wagner, Amerikanisch-Spanisch und Vulgarlatein, «Zeitschrift für rom. Philologie», Bd. XL, 1920; R. Menéndez Pidal, La lengua española, в кн. «La lengua de Cristóbal Colón, el estilo de Santa Teresa y otros estudios sobre el siglo XVI», 2-a ed., Buenos-Aires—México, 1944.

⁵ Например, преувеличение роли субстрата в возникновении языковых расхождений на территории старой и новой Романии.

ряд сходств, выявление которых, несомненно, представит большой теоретический интерес. Целесообразность и необходимость сопоставления двух этапов романизации вполне очевидны. Надо полагать, что процесс испанизации, который происходил в исторически близкое нам время, может быть описан и осмыслен с большей полнотой, чем процесс формирования старой Романи. Осторожное и разумное сопоставление в ряде случаев может приоткрыть завесу, до сих пор скрывающую от нас перепетии языковых взаимоотношений латинского языка с местными языками и диалектами, натолкнуть на новые догадки о причинах языковых расхождений, о характере языковых контактов и т. п. Изучение активного распространения неолатинского языка на территории Америки дает также важный материал для романской диалектологии.

Сопоставление диалектологических данных может идти в двух планах. Во-первых, целесообразно изучить и сопоставить диалектологическую карту старой Романи с данными испано-американской диалектологии. При этом важно будет решить, почему в одном случае процесс распространения латинского языка завершается формированием резко отличающихся друг от друга неолатинских языков, а в другом, даже в условиях формирования латино-американских наций, не происходит языковой дифференциации в такой степени, что это позволило бы считать видоизменяющуюся от страны к стране испанскую речь отдельными неолатинскими языками. Во-вторых, эффективным могло бы быть сопоставительное изучение диалектологических данных собственно Испании с испано-американским диалектологическим материалом¹. В данном случае важно, помимо всего прочего, исследовать вопрос о том, почему ф е д а л ь н а я дробность собственно Испании привела к более ощутимым лингвистическим результатам, чем национальная дробность Америки.

Проводя исследования по этим двум линиям, представляется возможным и весьма интересным еще раз проверить объем и удельный вес факторов, действующих на процесс языковой и диалектной дифференциации (имеются в виду факторы времени, социально-политический и культурный аспект, субстратные взаимодействия, география, этнография и т. д.). Попутно возникает необходимость затронуть проблемы общелингвистического порядка, такие, например, как особенности взаимодействия языков, соотношение письменных языков и устной речи, национального языка и нации и др. Кроме того, данные испано-американской диалектологии в ряде случаев могут дать ценный материал для выяснения структурных особенностей испанских диалектов периода XV—XVI вв.

Совершенно очевидно, что для детального изучения особенностей испанского языка в Латинской Америке необходимо внимательно исследовать фонетические, грамматические, лексические и прочие особенности языка самой Испании периода великих географических открытий. В лингвистической литературе испанский язык этого периода (конец XV — начало XVI в.) обычно называется предклассическим (*anteclassico*)². Однако особенность предклассического языка (в отличие от испанского языка классического периода) в силу ряда объективных причин могут быть изучены только в общих чертах, некоторые детали ускользнут от исследователя, хотя именно они в большинстве случаев способны пролить свет на причины последующих языковых расхождений.

¹ См., например: Tomás Navarro, *The old aspirated h in Spain and in the Spanish of America*, «Word», vol. 5, N 2, 1949.

² См. по этому поводу соответствующие разделы в следующих работах: R. Lapesa, *Historia de la lengua española*, Madrid, 1942; W. J. Entwistle, *The Spanish language together with portuguese, catalan and basque*, London, 1936; R. Menéndez Pidal, *El lenguaje del siglo XVI*, в кн. «La lengua de Cristóbal Colón...», и др.

Наиболее трудным и кропотливым делом оказывается выяснение норм произношения в предклассическом испанском. Основным источником для выяснения этих норм является, несомненно, староиспанская орфография¹. Однако орфография, даже базирующаяся в основном на фонетическом принципе (этот принцип был ведущим в староиспанской орфографии), едва ли может дать исчерпывающее представление о произносительных нормах: наряду с фонетическим принципом в староиспанской орфографии наблюдались элементы этимолого-морфологического и исторического порядка (для последнего случая ср. обязательное написание *b* на месте интервокального латинского *p* — *sapere* > *saber*; *opus* > *huebos*; *apicula* > *abeja*; *caput* > *sabo*)².

Важными источниками для выяснения норм произношения в предклассическом испанском могут служить труды Небрихи, Вальдеса, Вангаса, Тамара и др.³ Однако не следует забывать, что Вальдес, например, ратовал за толедскую норму произношения⁴, Небриха — за андалусийскую⁵, в то время как, помимо их воли и желания, все большее и большее распространение получала общекастильская (старокастильская) норма. Доказательством того, что элементы старокастильского произношения начинают приобретать общекастильское значение, является повсеместная унификация трех пар согласных: *z* и *c* (> *b*); *s* и *ss* (> *s*); *j* и *x* (> *h*) — наиболее существенное изменение в области фонетики, произошедшее в период формирования испанского национального языка.

Интересный материал дает наблюдение над записями звуков индейской речи, сделанными испанцами в XVI в. средствами испанской орфографии⁶. Так, например, слово, употребляемое в современном языке Эквадора в виде *tashca*, составитель грамматики языка кечуа (Gramática Quichua, 1560) Д. де Санто-Томас транскрибировал *taxca*⁷, откуда следует, что староиспанское *x* произносилось как звук, близкий *š*.

Исследование современной испано-еврейской речи (judeo-español), проводимое с учетом старых диалектных различий⁸ и последующих адстрат-

¹ См.: R. J. C u e r v o, Disquisiciones sobre antigua ortografía y pronunciación castellanas, «Revue hispanique», t. 2, N 4, 1895 и т. 5, N 15, 1898; A. A l o n s o, Formación del timbre ciceante en la *c*, z española; J. D. M. F o r d, The old Spanish sibilants, Boston, 1900, и др.

² См.: A. Z a u n e r, Altspanisches Elementarbuch, Heidelberg, 1908, § 58; P. d e M u g i c a, Gramática del castellano antiguo, Leipzig, 1891, § 117.

³ Мы имеем в виду следующие работы: A. d e N e b r i j a, Reglas de orthographia en la lengua castellana (1517); J. d e V a l d e s, Diálogo de la lengua (1535); A. V a n e g a s, Tractado de orthographia y accentos en las tres lenguas principales (1531); T h á m a r a, Suma y erudición de gramática en metro castellano (1550). См. в этой связи: Conde de la V i ñ a z a, Biblioteca histórica de la filología castellana, Madrid, 1893; Т и к о в, История испанской литературы, т. III, [перевод с англ.], М., 1886, стр. 223; В. Ф. Ш и м м а р е в, Очерки по истории языков Испании, М., 1941, стр. 172.

⁴ Вальдес отстаивал формы *trujo*, *coddicia*, *cobdo* только на том основании, что он, еще будучи ребенком, слышал их в Толедо. Однако они не стали общекастильской нормой, но изменились соответственно в *trajo*, *codicia*, *codo*.

⁵ Небриха, будучи андалусийцем, настаивал на произнесении гуттурального *h*, хотя вне Андалусии и Эстремадуры оно почти повсеместно перестало произноситься в XV в.

⁶ См. J. I. D á v i l a G a r i b i, Ortografía de nombres geográficos de origen nahuatl, «Investigaciones lingüísticas», 1933, t. 1, N 2.

⁷ См. H. T o s c a n o M a t e u s, El español en el Ecuador, Madrid, 1953, стр. 24.

⁸ В настоящее время выявляются две основные группы испано-еврейской речи, имеющие довольно существенные различия в области фонетики и лексики: восточная (Адрианополи, Константинополь, Смирна) и западная (Босния, Болгария, Македония, Румыния). В западной группе сохраняются черты северных староиспанских диалектов (леонский, арагонский), а в восточной — особенности старокастильской речи. См. F. I á z a r o C a r r e t e r, Diccionario de términos filológicos, Madrid, 1953 (статья «Judeo-español»).

ных взаимодействий¹, может дать надежный материал для установления особенностей произношения в предклассическом испанском.

Изучение грамматического строя испанской речи предклассического периода также представляет известные трудности. Анализ текстов требует большой осмотрительности в связи с тем, что для выяснения устных грамматических моделей и формул исследованию подвергается письменный материал — единственный источник для изучения живой речи прошлых эпох². При этом не следует забывать, что письменные памятники только приближенно воссоздают картину живой речи. Письменный язык в силу своего характера почти всегда в той или иной степени сублимирует разговорную речь. Кроме того, многое зависит от жанра памятника, умения и сноровки автора в воспроизведении живых разговорных норм, его эстетических воззрений, классовых установок, социальных предрассудков и т. д. В связи с этим самый выбор текстов для исследования представляется делом весьма сложным. В ряде случаев образцы испанского поэтического творчества точнее отражают грамматические нормы устной речи, чем испанская проза; в этом же смысле драматургическое произведение имеет преимущество перед ранней испанской новеллой или рыцарским романом, демократичный Руэда перед претенциозным и витиеватым Босканом, а вторая часть Хроники («Primería cronica general», конец XIII в.) перед первой³.

Наиболее подвижная часть языка — лексика — может быть довольно обстоятельно изучена по текстам и словарям предклассической эпохи с детальным анализом последующих семантических изменений.

Источником первостепенной важности для разработки поставленной проблемы являются произведения (мемуары, трактаты, документы, отчеты, записки и т. д.) «бывалых людей», непосредственных участников экспедиций — первых завоевателей, а также колонизаторов последующих лет⁴. Среди такого рода материалов большой интерес представляют «Cartas y relaciones» (1523—1525), написанные Эрнаном Кортесом. Они предназначались для Карла V и позже были переведены на латинский, французский и итальянский языки. Анализ языка «Писем» Кортеса тем более интересен, что их автор не искушен в вопросах литературной формы изложения, хотя он и учился некоторое время в Саламанке⁵.

Участник первой экспедиции в Мексику Бернал Диас дель Кастильо (1492—1581?) написал «Historia verdadera de la conquista de la Nueva Es-

¹ См., например: K. Baugh, *El judeo-español de Bosnia*, «Revista de filología española» (RFE), t. XVII, cuad. 2, Madrid, 1930; M. L. Wagner, *Beiträge zur Kenntnis des Judenarabischen von Konstantinopel*, Wien, 1914.

² Для исследования особенностей устной речи большую ценность представляют следующие издания: «Colección de autos, farsas, y coloquios del siglo XVI», publ. par L. Rouanet, vol. I—IV («Biblioteca hispánica»), Barcelona — Madrid, 1904; «Colección de entremeses, loas, bailes, jácara y mojigangas desde fines de siglo XVI a mediados del XVIII» ordenada por E. Cotarelo y Mori («Nueva biblioteca de autores españoles», 17, 18), Madrid, 1911.

³ При внимательном исследовании обеих частей «Хроники» обращает на себя внимание различие в трактовке и фиксации ряда явлений, хотя разница в написании первой и второй части измерится не более чем двадцатью годами. Если в первой части обычным является написание *cori* (<corie), *por* (<poro) и т. д., то во второй повсеместно наблюдается восстановление ямбического ударения. Само собой разумеется, что подобный процесс не мог завершиться в течение двух десятков лет. Остается предположить, что составители первой части ориентируются на письменную традицию предшествующего периода, а составители второй фиксируют сдвиги, произошедшие в устной речи.

⁴ См. W. Serrano y Sanz, *Historiadores de Indias*, t. 1—2, («Nueva biblioteca de autores españoles», 13, 15), Madrid, 1909, а также H. Ch. Woodbridge, *Spanish nautical terms of the age of discovery*, Urbana, University of Illinois, 1950.

⁵ B. A. Nicholson, *España. Introducción a su civilización*, Chapel Hill, 1948, стр. 155.

рафа», которая была опубликована только в 1632 г. Автор ее, обладающий значительным воинским опытом, пишет грубоватым, но выразительным солдатским языком, близким к разговорным нормам¹.

Из числа более образованных историков и мемуаристов отмечу Бартоломе де лас Касас (1470—1566) — автора нескольких трудов по истории Нового Света, Кабеса де Вака, описавшего свои приключения на юго-западе Северной Америки в книге «Los Naufragios» (1542), а также родственника знаменитого поэта Гарсиласо де ля Вега (1540—1615), написавшего целый ряд интересных трудов по истории Южной Америки.

Следует иметь в виду, что необходимость освоения громадных пространств, намного превышающих по размерам территорию Европы, вызывала постоянный приток колонистов². В большинстве своем колонисты являлись представителями так называемых «низших слоев», т. е. были людьми не только малообразованными и малокультурными, но и просто неграмотными. Что же касается дворян, занимавших административные посты, то пребывание их в колониях носило временный характер (от 3 до 5 лет)³. На основании изучения исторических данных исследователь-лингвист может заключить, что в связи с особенностями социального состава колонизаторов решающее значение в лингвистической испанизации имела устная форма испанской речи.

Лингвистический анализ отмеченных выше и подобных им материалов показывает, что за исключением некоторых диалектизмов (у Кортеса и у Диас дель Кастильо) все они написаны на кастильском (т. е. общеиспанском) диалекте. При этом главную роль в испанизации американского континента играли южные и центральные разновидности кастильского диалекта. Между тем известно, что в числе людей, отправлявшихся в Америку, были выходцы из разных провинций⁴, и весьма вероятно, что в своей устной речи они сохранили диалектные особенности произношения, словоупотребления и т. д.

Широко распространено мнение о том, что основная масса завоевателей и эмигрантов направлялась в Америку из южных областей страны: из Андалусии, Эстремадуры, а также с Канарских островов. Положение о преимущественной роли южан в колонизации Америки нуждается в некоторых уточнениях. Бесспорно, что удельный вес андалусийцев в процессе освоения заморских территорий весьма значителен. Однако, судя по некоторым данным, они не составляют абсолютного большинства⁵.

¹ К сожалению, нам пока остались недоступными документы, собранные С. Монтото (S. M o n t o t o, Colección de documentos inéditos para la historia de Ibero-América, t. I, Madrid, 1927. См. рецензию в журн. RFE, t. XIV, 1927, стр. 192—193). По данным рецензента, в этом издании собраны различного рода документы, принадлежащие «a los personajes de segunda categoría».

² Однако, по подсчету Рошера, к середине XVI в. численность испанских колонистов в Америке едва ли превышала 15 тыс. человек (см. W. R o s c h e r, Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung, Leipzig—Heidelberg, 1856, стр. 164).

³ См. В. М. Миросhevский, Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.), М.—Л., 1946, стр. 20.

⁴ По данным Лопеса де Гомара, Хуана Кастильянос и Овьедо-и-Баньос, которым удалось установить происхождение 160 первых колонизаторов, 51 человек — выходцы из Андалусии, 47 кастильцев и леонцев, 20 эстремадурцев, 20 португальцев, 10 басков, 4 галисийца, 3 валенсийца и каталанца, 3 наварро-арагонца, один мурсианец и один уроженец Канарских о-вов (см. R. J. C u e r v o, El castellano en América, «Bull. Hispanique», t. III, 1901, стр. 41—42).

⁵ Из общего числа колонистов в Чили (XVI в.) андалусийцы составляют только 26,1% и 46,6% — испанцы из центральных и северных областей. В Мексике из 1239 иммигрантов, происхождение которых удалось установить, 30,6% составляют андалусийцы и 39,2% — уроженцы центра и севера (см. P. H e n r í q u e z U r e ñ a, Observaciones sobre el español en América, II, RFE, t. XVII, 1930, стр. 278).

Роль и удельный вес выходцев с Канарских островов в колонизации Америки ничтожны¹. Создается также впечатление, что в число андалусийцев попадают иногда уроженцы других провинций только на том основании, что их последним местожительством (непосредственно перед отплытием) были южные порты Севилья и Кадис.

Вопрос о так называемом «андалусизме» испано-американской речи оживленно обсуждался в специальной лингвистической литературе². Защитники теории андалусийского влияния на испанский язык в Америке в качестве основных доводов приводили факты фонетических совпадений, наблюдаемых в той и другой разновидностях испанской речи. В числе этих совпадений отмечались главным образом следующие: явления так называемого «seseo» (интерпретация θ как s), yeísmo ($ll > y$), отпадение конечного s , превращение его в аспирированный звук (h) перед некоторыми согласными и др.³ По мнению сторонников этой теории, причина подобных совпадений заключается в том, что испанский язык был вывезен за океан в своей андалусийской разновидности, так как ядро колонистов составляли андалусийцы и эстремадурцы. Однако эта теория вызвала ряд возражений⁴. Одной из основных ошибок теории андалусийского влияния являются, на наш взгляд, попытки закрепить отмеченные выше фонетические особенности только за Андалусией: на лингвистической карте Испании, вне Андалусии, всегда обнаруживается район, местность, деревня, в которых можно отметить те же самые фонетические «андалусизмы».

Что касается явления так называемого «seseo», очень распространенного в Латинской Америке, то здесь по существу речь должна идти о двух вопросах, правда, тесно связанных между собой: о замене θ на s и о качественном своеобразии американского (соответственно андалусийского) s . Нам кажется, что явление «seseo» как факт андалусийской фонетики нельзя рассматривать в отрыве от обратного явления, так называемого «сесео» (произношение s как θ).

Рассматривая с этой точки зрения проблему андалусизмов в испано-американском, придется прежде всего констатировать, что на территории Латинской Америки такого параллелизма нет. Кроме того, замена θ на s охватывает не всю Андалусию (сюда не входят часть провинции Уэльва и большая часть провинции Хаэн)⁵, и, наконец, подобного же рода замену мы наблюдаем вне Андалусии (например, у басков и каталанцев)⁶.

Факт проникновения «seseo» в речь образованных латино-американцев сторонники теории «андалусизма» склонны рассматривать как аргумент в пользу универсальности андалусийского влияния. По этому поводу можно высказать следующее соображение. Замена θ на s («seseo») в народно-разговорном языке Латинской Америки лишена черт узкого регионализма в связи с отсутствием параллельного явления «сесео». Сохранение региональных особенностей произношения всегда противоречит задачам национального (соответственно межзонального, внутриконтинентального) общения, которые возлагаются на литературный язык в письменной форме

¹ Так, например, по данным Луиса Тайер Охеда (L. T. O j e d a, Elementos étnicos que han intervenido en la población de Chile, Santiago, 1919), в числе колонистов, прибывших в Чили, было только 0,4% уроженцев Канарских островов (см. Р. Н е н р и г у э з У р е ñ а, указ. соч., стр. 278).

² См. A. K u h n, Die romanischen Sprachen, Bern, 1951, стр. 409.

³ См. M. L. W a g n e r, El supuesto andalucismo de América y la teoría climatológica, RFE, t. XIV, cuad. I, 1927. См. также более раннюю работу Барлепа «Amerikanisch-Spanisch und Vulgarlatein», уже цитированную выше.

⁴ См: Р. Н е н р и г у э з У р е ñ а, указ. соч.: I — RFE, t. VIII, 1921; II — RFE, t. XVII, 1930; его же, El supuesto andalucismo de América, Buenos-Aires, 1925.

⁵ См. В. Ф. Ш и ш м а р е в, указ. соч., стр. 182.

⁶ См. там же.

(а «по индукции» и на устную норму литературной речи). Отсутствие региональной окраски как раз и могло способствовать проникновению «сeseo» в речь образованных людей. Упорство в различении *b* и *s* с некоторых пор стало казаться неоправданным подражанием испанцам, а потому неизбежно приобретало характер искусственности и претенциозности.

К числу наиболее характерных андалусизмов в испано-американском отнесит дорсальное *s* (такое же, как во французском, немецком, итальянском и других языках) в отличие от апиально-альвеолярного кастильского. В андалусийском диалекте это явление так устойчиво, что даже местные актеры, избавившиеся от всех диалектизмов, не могут переключиться на апиальное *s*. Образованные люди Латинской Америки, ориентирующиеся на литературную норму произношения, успешно избегают «уейсмо», сохраняют конечное *s*, но не воспроизводят апиального звука *s*. Этот факт, казалось бы, говорит в пользу теории «андалусизма». Однако возникает вполне закономерный вопрос: достаточно ли этого одного, правда, очень веского, факта, чтобы делать столь далеко идущие выводы в отношении андалусийского влияния? El andaluz — сравнительно молодой диалект. Своеобразие его, между прочим, состоит в том, что он возникает и оформляется в период победоносного шествия кастильского¹. Поэтому в нем больше кастильских новшеств, чем старых «мосарабских» особенностей (по крайней мере, в области фонетики и морфологии).

Нам кажется, что качественное своеобразие латино-американского *s* связано не столько с андалусийским влиянием, сколько с ослаблением и постепенным забвением кастильских (испанских) норм произношения. Следует также учесть, что в языке местных племен звук *s* либо отсутствовал², либо не совпадал по своей качественной характеристике с апиально-альвеолярным кастильским *s*. Вполне возможно допустить, что местные жители, обучавшиеся испанскому языку по «прямому методу», не улавливали тонкостей в различии между двумя *s* так же, как и нынешние иностранцы, которые, изучая испанский язык, в 99 случаях из 100 воспроизводят дорсальное *s* вместо апиального, даже и не подозревая, что они рискуют из-за этого прослыть провинциалами (андалусийцами).

В период колонизации в Америке было несколько разговорных языков (местные и испанский) и один литературный (испанский)³, который, разумеется, ничем не отличался от письменного кастильского языка самой Испании. Мексиканец по происхождению Аларкон писал на том же языке, что и севильянец Охеда. Оба они рано покинули родину: первый стал крупнейшим писателем Испании, а второй — видным писателем Перу.

Расхождения начались тогда, когда литературный язык Латинской Америки проявил тенденцию к сближению с разговорной формой испано-американской речи, которая в силу различных причин медленно, но неуклонно «американизировалась». Столкновение испанского языка с местными индейскими не могло не привести к известным лингвистическим по-

¹ См. по этому поводу мою статью «К вопросу о формировании испанского национального языка» («Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 93, 1954, стр. 8).

² Например, в некоторых языках Мексики: huasteco, matze (zaklohrakar) и др. См. по этому поводу F. Pimental, Cuadro descriptivo comparativo de las lenguas indígenas de México, vol. 1—2, México, 1862—1865. Звук *s* отсутствует также в арауакском. См. R. Lepz, указ. соч., стр. 188 и сл.

³ О местной письменности и литературе на индейских языках см., например: H. E. Ludwig, The literature of American aboriginal languages, London, 1858; R. Falb, Das Land der Inca in seiner Bedeutung für die Urgeschichte der Sprache und Schrift, Leipzig, 1883; J. I. Dávila Garibí, La escritura del idioma nahuatl a través de los siglos, «Investigaciones lingüísticas», t. III, № 1—2, 1935. О литературе и письменности майя см. библиографический обзор Ю. В. Кнорозова в книге: Диэго де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане (перевод со староспанского), М. — Л., 1955.

следствиям. Совершенно очевидно, что индейские языки должны были сыграть роль субстрата по отношению к испанскому¹. Но вопрос заключается в том, насколько велика была эта роль.

Историк испано-американского языка имеет ряд преимуществ перед исследователем субстратных взаимодействий в Испании. В отличие от последнего он может оперировать при решении задачи двумя более или менее известными величинами, тогда как историк испанского языка вынужден гадать и по поводу разговорного латинского языка, и по поводу кельтиберского субстрата. На основании уже имеющихся материалов можно сделать вывод о том, что сторонники субстратной теории в объяснении языковых расхождений явно преувеличивали роль этого фактора (например, Р. Ленц). Тем не менее оспаривать влияние субстрата не следует: в ряде случаев оно представляется весьма возможным.

Некоторые исследователи обращали внимание на фрикативное *r* в испано-американском (Чили) и связывали его появление с влиянием арауканского. То же самое можно было бы сказать и по поводу аффрикаты *tr*, сходной с *ch*². Однако подобное явление можно найти не только на территории распространения арауканского языка, но и в других частях Америки и даже в самой Испании.

В лингвистической литературе отмечают также влияние языка кечуа (одного из наиболее культурных и распространенных языков Латинской Америки) на появление своеобразных фразеологических оборотов в районах двуязычия (Эквадор, Перу)³. Язык гварани, несомненно, оказал некоторое влияние на испанский язык в Парагвае⁴. Вообще говоря, в исследовании субстратных явлений нужно проявлять большую осторожность, чтобы не терять из вида, как сказал некогда натуралист Гексли, «действительные пределы своих исследований и крайнюю недостаточность своих действительных знаний». Исследователя субстратных взаимодействий должен настораживать тот факт, что индейские языки, часто резко отличающиеся друг от друга, не привели к значительным расхождениям в испано-американской речи. В Испании от Астурии до Кадиса наблюдается больше языковых расхождений, нежели в Америке от Мексики до Магелланова пролива. Возможно, что необычайная диалектная дробность⁵ местных языков лишила каждый из них преимущественного влияния на испанскую речь.

Более значительно и бесспорно влияние индейских языков и вообще местных условий на лексику испано-американской речи⁶. Из числа ин-

¹ См.: А. К у h n, указ. соч., стр. 412—413; G. R o j a s C a r r a s c o, *Filología chilena. Guía bibliográfica y crítica*, Santiago de Chile, 1940; ег о ж е, *Chilenismos y americanismos de la XVI ed. del Diccionario de la Academia española*, Valparaíso, 1943.

² См. А. A l o n s o, *El grupo tr en España y América*, «Homenaje a Menéndez Pidal», II, Madrid, 1925, стр. 167 и сл.

³ См. R. M e n é n d e z P i d a l, *La lengua española*, стр. 114.

⁴ См.: E. R. S e r v i c e, *Spanish-Guarani relations in early colonial Paraguay*, Ann Arbor, 1954; B. M a l m b e r g, *Notas sobre la fonética del español en el Paraguay*, Lund, 1947.

⁵ См.: «Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana», t. 30, Barcelona, [1907] (статья «Lenguas indígenas americanas»); «Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti», t. II, Milano, 1929; P. R i v e t, *Langues américaines*, в кн. «Les langues du monde par un groupe de linguistes, sous la direction de A. Meillet et M. Cohen», Paris, 1924 (см. также изд. 1952 г.); Conde de la V i ñ a z a, *Bibliografía española de lenguas indígenas de América*, Madrid, 1929.

⁶ Назову в связи с этим лишь некоторые работы: F. J. S a n t a m a r í a, *Diccionario general de americanismos*, tt. I—III, México, 1942—1943; A. M a l a r e t, *Diccionario de americanismos*, 3-a ed., Buenos Aires, 1946; G. F r i e d e r i c i, *Hilfswörterbuch für den Amerikanisten. Lehnwörter aus Indianer Sprachen und Erklärungen altentümlicher Ausdrücke*, Halle (Saale), 1926; A. M a l a r e t, *Los americanismos*

дейских слов, получивших наибольшее распространение в странах испанской речи и заимствованных другими европейскими языками, отметим: *maiz, batata, tabaco, savana, pampa, huracán, hamacan, chocolate, chinchilla, guano, puma, condor, cacique*. Гораздо большее количество индейской лексики не выходит за пределы испано-американского словаря. Сюда относятся слова, обозначающие предметы местного обихода, явления и понятия, связанные с местными американскими условиями, например, *acolán* «набедренная повязка индейской женщины», *busk* «ежегодный праздник индейцев», *calpizque* «управляющий имением», *chinchorro* «особый вид цыновки», *dalca* «особый вид лодки», *guaca* «подземная гробница перуанцев», *hominy* «индейское кушанье из маиса» и др.¹

Кроме изучения собственно индейской лексики (заимствование), большой интерес для семасиолога представляет исследование изменений в самом испанском словаре под влиянием новых условий материальной, общественной и духовной жизни (приспосабливание уже существующих в языке обозначений к выражению новых понятий, переосмысление, описание новых понятий путем сравнений и т. д.)². Примером своеобразной эволюции значения является испанское слово *taría* «глинобитная или каменная стена», которое в испано-американском (через язык кечуа) приобретает значение «дурное предзнаменование» (стены, которыми огораживались селения конкистадоров, всегда таили для индейцев нечто злое, дурное, опасное). Испанское слово *china* «китайка» в языке конкистадоров, а также гаучо стало обозначать девушку в услужении у дочери богатых родителей и постепенно приобретало значение «сожительница, наложница»³. Исследование фонетики, грамматики и фразеологии позволяет установить общеамериканские, зональные⁴, а также национальные особенности испанской речи в Латинской Америке.

Изучение разновидностей испано-американской речи по странам неизбежно поставит перед исследователем важный теоретический вопрос о национальных языках американских наций⁵, а также целый ряд практиче-

en la copia popular y en el lenguaje culto, New York, 1947; F. J. Santamaría, Estudio acerca de la XV edición del Diccionario de la Academia, «Investigaciones lingüísticas», t. II, № 5, 1934; M. E. Bessera, Observaciones sobre los otros 469 errores del Diccionario de Madrid, там же; Fr. J. de Cordoba, Vocabulario Castellano-Zapoteco, México, 1942; ег о же, Vocabulario agrícola nacional, «Investigaciones lingüísticas», t. III, № 3—4, 1935; C. A. Bregú Virreira, Idiomas aborígenes de la república Argentina, Buenos-Aires—México, 1942; G. Rojas Carrasco, Chilenismos y americanismos..., J. de Arona, Diccionario de peruanismos, Paris, 1938; P. H. Ureña, Palabras antillanas en el diccionario de la Academia, RFE, XXII, 1935, стр. 175—186; L. Sandoval, Semántica guatemalteca o diccionario de guatemaltequismos, t. I—II, Guatemala, 1941—1942.

¹ См. G. Friederici, указ. соч.

² См. классификацию типов заимствованной лексики из языков североамериканских индейцев в работе: E. H. Criswell, Lewis and Clark: linguistic pioneers. («A quarterly of research [The University of Missouri studies]», vol. XV, № 2, 1940). Об эволюции ряда испанских слов в испано-американском см., например, P. P. Ramírez, Los Huarpis. Etimología de las palabras usadas por el pueblo, Buenos-Aires, 1938.

³ См. P. P. Ramírez, указ. соч., стр. 184—185.

⁴ См. M. L. Wagner, Lingua e dialetti, dell' America spagnola, Firenze, 1949, гл. III.

⁵ Особенно оживленно обсуждается вопрос о так называемом национальном испанском языке Аргентины. См. по этому поводу: J. M. Gutiérrez, Cartas de un porteño, Buenos-Aires, 1942; A. Alonso, El problema de la lengua en América, Madrid, 1935; ег о же, La Argentina y la nivelación del idioma, Buenos-Aires, 1943; A. Castro, La peculiaridad lingüística rioplatense y su sentido histórico, Buenos-Aires, 1941; A. Alonso, Estudios lingüísticos. Temas hispano-americanos, Madrid, 1953; R. Monner Sans, Notas al castellano en la Argentina, Buenos-Aires, [1944]; L. Abeille Idioma nacional de los argentinos, Paris, 1900. Об испанском языке в Мексике см.: P. Henríquez Ureña, El español en México, los Estados unidos

ских вопросов¹. Значительный интерес представляет также вопрос о периодизации развития испано-американской речи², выяснение характера влияния испанского языка на местные языки³ и результаты взаимодействия испанского языка с другими европейскими языками⁴. Таков, примерно, круг проблем, возникающих при изучении испанского языка Латинской Америки.

y la América Central, Buenos-Aires, 1938; J. I. Dávila Garibí, *Del nahuatl al español*, Tacubaya, 1939; F. J. Santamaría, R. Domínguez, *Ensayos críticos de lenguaje en México*, Porrua, 1940; F. Semeleder, *El español de los mejicanos*, México, 1910; см. также «Investigaciones lingüísticas» (México) за 1933, 1934, 1935 гг. Об испанском языке в других странах см.: в Чили—G. Rojas Carrasco, *Filología chilena*..; в Перу—J. Arona, *Diccionario de peruanismos*..; в Парагвае—B. Malmberg, *Notas sobre la fonética*..; в Колумбии—L. de Obando, *Corrección del lenguaje*, [Bogotá], 1938; R. J. Cuervo, *Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano*..; L. A. Acuña, *Refranero colombiano*, Bogotá, 1948; в Центр. Америке—P. H. Ureña, *El español en Santo Domingo*, Buenos-Aires, 1940; H. Toscano Mateus, указ. соч. (приводится новейшая библиография).

¹ См., например: Tomás Navarro, *El idioma español en el cine parlante. ¿Español o hispanoamericano?* «Hispania», vol. XIV, N 1, California, 1931, стр. 9—31.

² Такой вопрос обязательно возникает в частных исторических грамматиках типа: J. González Moreno, *Manual elemental de gramática histórica hispanomexicana* (México, 1926).

³ Cp. E. D. Preston, *The language of Hawaii*, Washington, 1900, стр. 43—44. О смешанных языках см. А. Долгопольский, Против ошибочной концепции «гибридных» языков (о креольских наречиях), «Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков», т. VII, 1955, а также H. Schuchardt, *Kreolische Studien*, I—IX, Wien, 1882—1891.

⁴ См., например, работы Г. Мео Дзильо о влиянии испанского языка на итальянский: G. Meo Zilio, *Influenze dello spagnolo sull'italiano parlato nel Rio de la Plata*, «Lingua nostra», vol. XVI, fasc. 1, 1955, стр. 16—22; е го ж е, *Interferenze sintattiche nel cocoliche rioplatense*, «Lingua nostra», vol. VII, fasc. 2, стр. 54—59.